

поэтический парнас

ЖЕМЧУЖИНЫ ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ

РИПОЛ КЛАССИК

Поэтический Парнас

Коллектив авторов

Жемчужины любовной лирики

«РИПОЛ Классик»

2021

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Коллектив авторов

Жемчужины любовной лирики / Коллектив авторов — «РИПОЛ
Классик», 2021 — (Поэтический Парнас)

ISBN 978-5-38-614363-3

Стихи о любви всегда искренни, пронзительны и проникновенны. В русской поэзии именно теме любви посвящены одни из лучших поэтических жемчужин. Насладитесь красотой и великолепием лучшей любовной лирики русских поэтов!

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-38-614363-3

© Коллектив авторов, 2021
© РИПОЛ Классик, 2021

Содержание

«Я встретил вас...»	6
А. Н. Радищев	11
Сафические строфы	11
А. Ф. Мерзляков	12
Меня любила ты – я жизнью веселился...	12
В. А. Жуковский	13
Я музу юную, бывало...	13
Н. И. Гнедич	14
Что значит любить	14
Дума	15
Д. В. Давыдов	16
Гусар	16
Не пробуждай, не пробуждай...	17
К. Н. Батюшков	18
Выздоровление	18
<Из греческой антологии>	19
Мой гений	20
П. А. Вяземский	21
Моя вечерняя звезда...	21
А. С. Пушкин	22
Увы! зачем она блистает...	22
Умолкну скоро я!.. Но если в день печали...	23
Мой друг, забыты мной следы минувших...	24
Все кончено: меж нами связи нет...	25
Я помню чудное мгновенье...	26
Все в жертву памяти твоей...	27
Ее глаза	28
Когда в объятия мои...	29
На холмах Грузии лежит ночная мгла...	30
Я вас любил: любовь еще, быть может...	31
Что в имени тебе моем?...	32
Прощание	33
Нет, я не дорожу мятежным...	34
И. И. Козлов	35
Княгине З. А. Волконской (в ответ на её послание)	35
Гимн орфея	36
Е. А. Баратынский	37
Разлука	37
Разуверение	38
Поцелуй	39
Признание	40
Оправдание	41
К...	42
Ожидание	44
Сердечным нежным языком...	45
А. А. В<оейков>ой	46

Любовь	47
Уверение	48
Она	49
Новинское	50
Люблю я вас, богини пеня...	51
Ф. И. Тютчев	52
К N. N.	52
Двум сестрам	53
Из края в край, из града в град...	54
Еще земли печален вид...	55
И чувства нет в твоих очах...	56
Люблю глаза твои, мой друг...	57
С какою негою, с какой тоской влюбленной...	58
Не верь, не верь поэту, дева...	59
Живым сочувствием привета...	60
Еще томлюсь тоской желаний...	61
О, как убийственно мы любим...	62
Не знаю я, коснется ль благодать...	64
Не раз ты слышала признание...	65
В разлуке есть высокое значенье...	66
Предопределение	67
Не говори: меня он, как и прежде, любит...	68
О, не тревожь меня укорой справедливой!..	69
Чему молилась ты с любо...	70
Я очи знал, — о, эти очи!..	71
Близнецы	72
Последняя любовь	73
Лето 1854	74
Она сидела на полу...	75
Я знал ее еще тогда...	76
Как неразгаданная тайна...	77
Весь день она лежала в забытии...	78
Накануне годовщины	79
К. Б.	80
Н. М. Языков	81
К А. Н. Вульффу	81
Элегия (Любовь меня преобразила...)	82
Элегия (Любовь, любовь! веселым днем...)	83
Аделаиде	84
Песня	85
Элегия (Ты восхитительна! Ты пышно...)	86
Элегия (Язык души красноречивый...)	87
А. И.	88
Элегия (Мне ль позабыть огонь и живость...)	89
Стансы	90
Кубок	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Жемчужины любовной русской лирики. 500 строк о любви

«Я встретил вас...»

В этой книге мы предлагаем вашему вниманию поэтические произведения, объединенные темой любви. Стихи о любви писали всегда, во все эпохи. Но в русской поэзии, пожалуй, наиболее полно и ярко эта вечная и прекрасная тема прозвучала у поэтов XIX века.

Тон задал романтик Василий Андреевич Жуковский. Его восторженные, приподнятые песни, многочисленные обращения («К ней») и многозначительные даты (19 марта 1823») воспевали прекрасных дам, давали выход чувствам, обуревающим поэта.

Когда я был любим, в восторге, в наслажденье,
Как сон пленительный, вся жизнь моя текла.
о я тобой забыт, – где счастья привиденье?
Ах! счастьем моим любовь твоя была!

И вот уже его гениальный ученик, влюбленный «с молодых ногтей» и до последних дней, А. С. Пушкин пишет строки, полные нежности и преклонения:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Любовь в поэзии Пушкина – это божественное, высокое чувство, посланное в дар человеку свыше. Любовь дает человеку силы, ощущение радости бытия и полноты жизни. Это чистое чувство, которое облагораживает человека, возвышая его над суетой и серостью будней. Любовь прекрасна даже тогда, когда она не находит ответа.

Некоторые произведения Пушкина буквально пронизаны темой любви. Например, поэма «Цыганы», в основе которой – драма отношений Алеко и Земфиры, «Евгений Онегин» со знаменитым письмом-признанием Татьяны и, конечно, многочисленные лирические стихотворения, посвященные увлечениям поэта.

Стихотворение «Я вас любил: любовь еще быть может...» написано перед женитьбой Александра Сергеевича на Н. Н. Гончаровой. Поэт прощается с когда-то любимой им женщиной. Строки этого произведения дают основания предполагать, что Пушкин не очень верил в счастье своей супружеской жизни, так как сравнивает ее с «изгнанием»...

Поэтические ориентиры, заложенные А. С. Пушкиным, прошли через всю любовную лирику XIX века.

Русскими поэтами позапрошлого столетия написано немало прекрасных, ставших классическими, стихотворений о любви. И каждое – буквально выстраданное, не случайное, иногда трагичное, но всегда трепетное и взволнованное. Многие стихотворения прямо обращены или посвящены вполне конкретным, земным женщинам. Но поэтическое чувство и мастерство превращали, порой, вполне заурядную особу в некий фетиш, символ, поднимали ее до высот духа, ни на миг не опускаясь к обыденности и пошлости.

Гусар, жуир, замечательный поэт, участник Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов в одной из своих многочисленных элегий восклицает:

О пощади! – Зачем волшебство ласк и слов,
Зачем сей взгляд, зачем сей вздох глубокий,
Зачем скользит небрежно покров
плеч белых и груди высокой?

А как очаровательно, музыкально звучит его же – «На голос известной русской песни»:

Я люблю тебя – без ума люблю!
О тебе одной думы думаю.
При тебе одной сердце чувствую,
Моя милая, моя душечка!

Поэт-декабрист Кондратий Рылеев писал в своей «Элегии»:

Исполнились мои желанья,
Сбылись давнишние мечты:
Мои жестокие страданья,
Мою любовь узнала ты.

Известен он также и посвящениями загадочной «NN»:

Она меня очаровала,
Я в ней нашел все красоты,
Все совершенства идеала
Моей возвышенной мечты.

Вторит ему в любовной элегии Николай Языков. Жанр элегии наиболее популярен в то время.

Лирические любовные произведения поэтов пушкинского круга до сих пор волнуют нас, переосмысливаются, цитируются, исполняются в музыкальном сопровождении.

О память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной
часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.

К. Н. Батюшков

Баратынский, Дельвиг, Кукольник внесли свой неоценимый вклад в любовную лирику первой четверти XIX века.

А знаменитый «Вечерний звон» Козлова! Это произведение посвящено женщине. Оно и сегодня волнует наши сердца.

Первая половина XIX столетия, справедливо и точно названная «золотым веком» русской поэзии, наверное, во многом стала таковой из-за преобладания любовной лирики, пристального внимания поэтов к тончайшим движениям души.

Вряд ли во всей мировой литературе можно найти другого такого же великого поэта, чья жизнь оборвалась так рано. Все, что создано Михаилом Юрьевичем Лермонтовым за очень короткий срок, составило целый этап в развитии русской литературы. Поэмы, драма в стихах «Маскарад», роман в прозе «Герой нашего времени» – до сих пор непревзойденные образцы.

Лирические стихотворения Лермонтова – это яркое эмоциональное отражение его мятущейся души, страдающей от одиночества и тоски. Лермонтов, в отличие от Пушкина, не знает счастливой любви. Характерной особенностью его стихотворений являются мрачные настроения, признание невозможности взаимной любви и счастья. В одном из своих произведений он сравнивает себя с нищим, которому в протянутую руку кладут камень вместо куска хлеба. Мотив несчастной, неразделенной любви проходит через все творчество 27-летнего поэта.

Стихотворение «Она не гордой красотой...» связано с образом Варвары Александровны Лопухиной, с которой Лермонтов был знаком с детства. Внешне Варенька могла показаться некрасивой, но в минуты душевного волнения ее лицо освещалось внутренним светом и становилось прекрасным. Между поэтом и девушкой возникла сначала дружба, которая затем переросла в любовь. Но судьба распорядилась так, что молодые люди должны были расстаться. Лермонтов уехал в Петербург, в университет, а Варвара Александровна вышла замуж за богатого пожилого человека...

Алексей Васильевич Кольцов принадлежал к числу тех талантливых людей, которые вышли из самой гущи народа и заняли видное место в русской культуре.

В произведениях Кольцова во всей полноте отразилась жизнь русских крестьян, их мысли, страдания, радости и тревоги. Он одинаково хорошо владел разными жанрами: песней, думой и лирикой. Лучшую часть творчества Кольцова представляют песни, в которых он возрождает традиции устной народной поэзии. Со временем эта тема продолжится в гениальном творчестве Сергея Есенина, Николая Клюева, других «новокрестьянских» поэтов начала века двадцатого.

В лирике Кольцова преобладает личная, пережитая поэтом драма: он любил крепостную девушку Дуняшу. Чтобы помешать неравному браку, отец продает девушку донскому помещику. Вскоре до Кольцова доходит известие о безвременной смерти Дуняши...

Творчество Федора Ивановича Тютчева представляет собой совершенно особую страницу русской литературы. Его поэзию обычно определяют как философскую, «поэзию мысли». С особой силой талант Тютчева проявился в любовной лирике, в монологах о смысле жизни, назначении искусства.

В середине 1830-х годов Тютчев был страстно влюблен в молодую вдову Эрнестину Федоровну Дёринберг. Стихотворение «И чувства нет в твоих очах...» связано с их встречей в Генуе. Впоследствии она стала его женой.

Во многих произведениях нашли отражение чувства поэта к Елене Александровне Денисьевой. Эта любовь продолжалась 14 лет, но закончилась трагически: Денисьева умерла из-за болезни легких.

Любовь для Тютчева – не просто увлечение, восхищение прелестями любимой; это глубокое, всепоглощающее чувство, роковая страсть, которая одновременно дарит наслаждение и может привести к гибели. Она подобна грозам и бурям, стихийно и неподвластно рассудку.

В разлуке есть высокое значенье:
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье,
А должен наконец проснуться человек...

И еще, известное:

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет

Любви последней, зари вечерней!

Современники считали, что Афанасий Фет родился поэтом. Он писал поэмы и повести в стихах, пробовал себя в художественной прозе, много переводил. Однако главным направлением его творчества стала лирика. Фет отводил поэзии особую роль «чистого искусства». Уход от реального мира – жесткого, беспощадного, противоречивого – в мир тонкой лирики, душевных переживаний и чувств – типичные черты литературного романтизма Афанасия Афанасьевича.

Природа и любовь – главные темы творчества Фета. Наслаждение красотой, переполняющая душу поэта любовь – основной мотив его лирики. Порой его стихи слишком восторженны, слишком радостны, слишком оптимистичны. Но главное – в них настоящая искренность.

Громкая слава поэта началась со стихотворения «Шёпот, робкое дыханье...», ставшего символом фетовской поэзии и до сих пор вызывающего восхищение.

Говоря о любовной лирике XIX века, нельзя не вспомнить и о небывалом расцвете в то далекое время русского романса, и об одном из выдающихся его представителей – поэте Аполлоне Григорьеве, прожившем недолгую, но яркую жизнь. Кто не знает его строк:

О, говори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная!
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная!

В редкой русской компании на протяжении целых десятилетий не исполнялась с чувством знаменитая «Рябина» Ивана Сурикова:

Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?

А великолепный и ныне часто исполняемый со сцены романс на слова Алексея Апухтина:

Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые...
Ночи, последним огнем озаренные,
Осени первой цветы запоздалые!

Мир некрасовской поэзии – это прежде всего мир народного страдания. Некрасов писал не только о народе, но для него. Более тридцати лет Николай Алексеевич возглавлял передовую русскую журналистику: был редактором журнала «Современник», основанного еще Пушкиным, а после его закрытия – журнала «Отечественные записки».

Интимная лирика в творчестве Некрасова – не только дань вечной теме. Здесь Некрасов пошел совершенно новым, не похожим на предшественников, путем. В его поэзии звучит проза любви. Чаще всего любящие у Некрасова – трогательно и бескорыстно поддерживающие друг друга люди, связанные не только любовью, но и взаимопониманием, уважением и дружбой.

В поэзии Некрасова создается нечто вроде психологического лирического романа, который образует группа стихов так называемого панаевского цикла. Эти стихотворения имеют автобиографическую основу – отношения с Авдотьей Панаевой, женой известного издателя Ивана Панаева, талантливой писательницей, которую долго и мучительно любил Некрасов. В

1850-х годах Панаева была гражданской женой поэта. Отношения между ними складывались сложно и неровно, что и привело в конечном счете к разрыву.

Однако они еще долго сохраняли друг к другу теплые чувства, которые отразились в лирике Некрасова, а также в «Воспоминаниях» Панаевой.

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я уныл и угрюм,
Оживляется так вдохновенно
вой веселый насмешливый ум <...>

Иван Иванович Панаев также был замечательным поэтом, лириком. В свое время имели широкую известность его стихотворения «К чудной деве», «К азиатке», «Серенада».

Алексей Константинович Толстой вошел в русскую литературу как поэт, прозаик, драматург. Его роман «Князь Серебряный» был экранизирован в 90-х годах прошлого столетия; главную роль в фильме исполнил певец Игорь Тальков.

Основной темой толстовской лирики в середине XIX века была несчастная любовь. В 50-е годы поэт переживал тяжелую любовную драму. На пути к его счастью с молодой замужней женщиной С. А. Миллер было много преград. Лишь через долгие двенадцать лет влюбленные смогли наконец соединить свои судьбы брачными узами. Стихи, посвященные чувствам поэта, можно назвать интимным дневником его души.

Весьма характерно для лирических произведений Толстого чередование любовных переживаний с описанием картин природы. Пейзажи ассоциируются у поэта с теми горькими или радостными чувствами, которые он испытывал в личной жизни. Первая встреча с любимой, первые звуки любви – ранняя весна; разлука с ней – остывший осенний воздух, желтый лист; полные грусти глаза ее – уходящие сумерки... Но печаль поэта, его переживания всегда удивительно светлы.

Одним из теоретиков русского символизма был и Валерий Яковлевич Брюсов. Он подготовил и издал три сборника «Русские символисты», в которых в основном были помещены его собственные стихи.

Его любовная лирика – в основном о разочарованиях в любви. Его герой страдает, он не испытывает полной радости чувства, потому что не может разделить их с творчеством. Любовь стесняет свободу поэта. Но есть у Брюсова и стихи, проникнутые настоящей, испепеляющей, бурной страстью.

В его стихотворениях, особенно ранних, есть все: и высокая любовь, и любовь-ненависть, и трагическое ощущение одиночества.

Характерен эпиграф из Пушкина к произведению Брюсова «Всё кончено...», датированному 1895 годом – концом века, – «Всё кончено, меж нами связи нет...» И хотя речь в стихотворении идет о любовных переживаниях, и название, и дата, и эпиграф чрезвычайно символичны. Они говорят о глубокой внутренней связи, о преемственности между поэтами пушкинского «золотого века» и века Серебряного в русской культуре.

Поэзия XIX века открывала внутренний мир человека, его психологию, состояние его души. Этим и объясняется небывалый расцвет лирических жанров. В дальнейшем в русской литературе раскрытие внутренней жизни человека перейдет к прозе – через Тургенева, Бунина, Мережковского.

Юрий Кириленко

А. Н. Радищев 1749—1802

Сафические строфы

Ночь была прохладная, светло в небе
Звезды блещут, тихо источник льется,
Ветры нежно веют, шумят листьями
Тополы белы.

Ты клялася верною быть вовеки,
Мне богиню ночи дала порукой;
Север хладный дунул один раз крепче,—
Клятва исчезла.

Ах! почто быть клятвопреступной!.. Лучше
Будь всегда жестока, то легче будет
Сердцу. Ты, маня лишь взаимной страстью,
Ввергла в погибель.

Жизнь прерви, о рок! рок суровый, лютый,
Иль вдохни ей верной быть в клятве данной,
Будь блаженна, если ты можешь только
Быть без любви.

1801

А. Ф. Мерзляков
1778—1830

Меня любила ты – я жизнью веселился...

Меня любила ты – я жизнью веселился,
День каждый пробуждал меня к восторгам вновь;
Я потерял тебя – и с счастьем простился:
Ах, счастьем моим была твоя любовь!

Меня любила ты – средь милых вдохновений
Я пел прекрасную с зарею каждой вновь;
Я потерял тебя – и мой затмился гений:
Ах, гением моим была твоя любовь!

Меня любила ты – я добрым быть стремился,
Искал несчастного, чтоб дать ему покров;
Я потерял тебя – мой дух ожесточился:
Добротою моей была твоя любовь!..

1806

В. А. Жуковский **1783—1852**

Я музу юную, бывало...

Я музу юную, бывало,
Встречал в подлунной стороне,
И Вдохновение летало
С небес, незваное, ко мне;
На всё земное наводило
Животворящий луч оно —
И для меня в то время было
Жизнь и Поэзия — одно.

Но дарователь песнопений
Меня давно не посещал;
Бывалых нет в душе видений,
И голос арфы замолчал.
Его желанного возврата
Дождаться ль мне когда опять?
Или навек моя утрата
И вечно арфе не звучать?

Но всё, что от времен прекрасных,
Когда он мне доступен был,
Всё, что от милых темных, ясных
Минувших дней я сохранил —
Цветы мечты уединенной
И жизни лучшие цветы,—
Кладу на твой алтарь священной,
О Гений чистой красоты!

Не знаю светлых вдохновений
Когда воротится чреда —
Но ты знаком мне, чистый Гений!
И светит мне твоя звезда!
Пока еще ее сиянье
Душа умеет различать:
Не умерло очарованье!
Былое сбудется опять.

1822—1824 (?)

Н. И. Гнедич
1784—1833

Что значит любить
(Изыяснение для Словаря)

По целым дням чего-то все желать,
Чего? не понимая;
Зарадоваться вдруг и вслед за тем – вздыхать,
О чем, не очень зная;
Все утро проскучать и вечера хотеть,
А вечером об утре сожалеть;
Страшить себя, когда надеждой можно льститься;
Надеждой льстить себе, как надобно страшиться;
Всем жертвовать и трепетать,
Не мало ли еще пожертвовано было?
Терзаться тем, что прежде веселило;
Страдать и обожать страдания свои;
Вдруг ненавидеть их, с самим собой сражаться;
И вдруг, забыв страдания свои,
В мечты блаженства погружаться;
То робким иногда, то слишком дерзким быть,
То подозрительным, то очень лежковерным;
Всем верить, и считать на свете все неверным;
Чужому все открыть, от дружбы все таить;
Соперником считать невинного душою;
Короче: ночью сна, а днем не знать покою,
Вот смысл, но слабою наброшенный рукою,
Глагола страшного любить;
Вот что испытывал (я знаю над собою),
Кто в жизни раз влюбленным был,
И вот зачем никто два раза не любил.

1816

Дума

Кто на земле не вкушал жизни на лоне любви,
Тот бытия земного возвышенной цели не понял;
Тот превкусить не успел сладостной жизни другой:
Он, как туман, при рождении гибнущий, умер, не живши.

1832

Д. В. Давыдов 1784—1839

Гусар

Напрасно думаете вы,
Чтобы гусар, питомец славы,
Любил лишь только бой кровавый
И был отступником любви.
Амур не вечно пастушком
В свирель без умолка играет:
Он часто, скучив посошком,
С гусарской саблею гуляет;
Он часто храбрости огонь
Любовным пламенем питает —
И тем милей бывает он!
Он часто с грозным барабаном
Мешает звук любовных слов;
Он так и нам под доломаном
Вселяет зверство и любовь.
В нас сердце не всегда желает
Услышать стон, увидеть бой...
Ах, часто и гусар вздыхает,
И в кивере его весной
Голубка гнездышко свивает...

1822

Не пробуждай, не пробуждай...

Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и исступлений,
И мимолетных сновидений
Не возвращай, не возвращай!

Не повторяй мне имя той,
Которой память – мука жизни,
Как на чужбине песнь отчизны
Изгнаннику земли родной.

Не воскрешай, не воскрешай
Меня забывшие напасти —
Дай отдохнуть тревогам страсти
И ран живых не раздражай.

Иль нет! Сорви покров долой!..
Мне легче горя своеволие,
Чем ложное холоднокровье,
Чем мой обманчивый покой.

1834

К. Н. Батюшков 1787—1855

Выздоровление

Как ландыш под серпом убийственным жнеца
Склоняет голову и вянет,
Так я в болезни ждал безвременно конца
И думал: парки час настанет.
Уж очи покрывал Эреба мрак густой,
Уж сердце медленнее билось:
Я вянул, исчезал, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приблизилась, о жизнь души моей,
И алых уст твоих дыханье,
И слезы пламенем сверкающих очей,
И поцелуев сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милых слов
Меня из области печали —
От Орковых полей, от Леты берегов —
Для сладострастия призвали.
Ты снова жизнь даешь; она твой дар благой,
Тобой дышать до гроба стану.
Мне сладок будет час и муки роковой:
Я от любви теперь увяну.

1807

<Из греческой антологии> (Отрывок)

12

Изнемогает жизнь в груди моей остылой;
Конец борению; увы! всему конец.
Киприда и Эрот, мучители сердец!
Услышьте голос мой последний и унылый.
Я вяну и еще мучения терплю:
Полмертвый, но сгораю.
Я вяну, но еще так пламенно люблю
И без надежды умираю!
Так, жертву обхватив кругом,
На алтаре огонь бледнеет, умирает
И, вспыхнув ярче пред концом,
На пепле погасает.

1817—1818

Мой гений

О, память сердца! Ты сильнее
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью твоей
Меня в стране пленяешь дальной.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно выющихся vlasов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой – любовью
В утеху дан разлуке он;
Засну ль? приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

1815

П. А. Вяземский
1792—1878

Моя вечерняя звезда...

Моя вечерняя звезда,
Моя последняя любовь!
На потемневшие года
Приветный луч пролей ты вновь!

Средь юных, невоздержных лет
Мы любим блеск и пыл огня;
Но полурадость, полусвет
Теперь отрадней для меня.

1855

А. С. Пушкин
1799—1837

Увы! зачем она блистает...

Увы! зачем она блистает
Минутной, нежной красотой?
Она приметно увядает
Во цвете юности живой...
Увянет! Жизнью молодою
Не долго наслаждаться ей;
Не долго радовать собою
Счастливый круг семьи своей,
Беспечной, милой остротою
Беседы наши оживлять
И тихой, ясною душою
Страдальца душу улаждать —
Спешу в волненье дум тяжелых,
Сокрыв уныние мое,
Наслушаться речей веселых
И наглядеться на нее;
Смотрю на все ее движенья,
Внимаю каждый звук речей,—
И миг единый разлученья
Ужасен для души моей.

1820

Умолкну скоро я!.. Но если в день печали...

Умолкну скоро я!.. Но если в день печали
Задумчивой игрой мне струны отвечали;
Но если юноши, внимая молча мне,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила в тишине
И сердца моего язык любила страстный...
Но если я любим... позволь, о милый друг,
Позволь одушевить прощальный лиры звук
Заветным именем любовницы прекрасной!..
Когда меня навек обымет смертный сон,
Над урною моей промолви с умилением:
Он мною был любим, он мне был одолжен
И песен и любви последним вдохновеньем.

1821

Мой друг, забыты мной следы минувших...

Мой друг, забыты мной следы минувших лет
И младости моей мятежное течение.
Не спрашивай меня о том, чего уж нет,
Что было мне дано в печаль и в наслаждение,
 Что я любил, что изменило мне.
Пусть я радости вкушаю не вполне;
Но ты, невинная! ты рождена для счастья.
Беспечно верь ему, летучий миг лови:
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
 Для поцелуев сладострастья;
Душа твоя чиста; унынье чуждо ей;
Светла, как ясный день, младенческая совесть.
К чему тебе внимать безумства и страстей
 Незанимательную повесть?
Она твой тихий ум невольно возмутит;
Ты слезы будешь лить, ты сердцем содрогнешься;
Доверчивой души беспечность улетит,
И ты моей любви... быть может, ужаснешься.
Быть может, навсегда... Нет, милая моя,
Лишиться я боюсь последних наслаждений.
Не требуй от меня опасных откровений:
Сегодня я люблю, сегодня счастлив я.

1821

Все кончено: меж нами связи нет...

Все кончено: меж нами связи нет.
В последний раз обняв твои колени,
Произносил я горестные пени.
Все кончено – я слышу твой ответ.
Обманывать себя не стану вновь,
Тебя тоской преследовать не буду,
Прошедшее, быть может, позабуду —
Не для меня сотворена любовь.
Ты молода: душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты.

1824

Я помню чудное мгновенье...

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

1825

Все в жертву памяти твоей...

Все в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак изгнания,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.

1825

Ее глаза

Она мила – скажу меж нами —
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза,
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество;
Поднимет – ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

1827

Когда в объятия мои...

Когда в объятия мои
Твой стройный стан я заключаю
И речи нежные любви
Тебе с восторгом расточаю,
Безмолвна, от стесненных рук
Освобождая стан свой гибкой,
Ты отвечаешь, милый друг,
Мне недоверчивой улыбкой;
Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья,
Ты без участия и вниманья
Уныло слушаешь меня...
Кляню коварные старанья
Преступной юности моей
И встреч условных ожиданья
В садах, в безмолвии ночей.
Кляню речей любовный шепот,
Стихов таинственный напев,
И ласки легковерных дев,
И слезы их, и поздний ропот.

1828

На холмах Грузии лежит ночная мгла...

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может.

1829

Я вас любил: любовь еще, быть может...

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

1829

Что в имени тебе моем?...

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...

1830

Прощание

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь вспоминать.

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя все, меняя нас.
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.

Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

1830

Нет, я не дорожу мятежным...

Нет, я не дорожу мятежным наслаждением,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, вясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!

О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняся на долгие моления,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом все боле, боле —
И делишь наконец мой пламень поневоле!

1831

И. И. Козлов
1779—1840

Княгине З. А. Волконской (в ответ на её послание)

Я арфа тревоги, ты – арфа любви
И радости мирной, небесной;
Звучу я напевом мятежной тоски, —
Мил сердцу твой голос чудесный.

Я здесь омрачаюсь земною судьбой,
Мечтами страстей сокрушенный, —
А ты горишь в небе прекрасной звездой,
Как ангел прекрасный, нетленный!

1838

Гимн орфея

Когда целуете прелестные уста
И сердце тает негой наслажденья,
Вам шепчутся и ласки и моления,
И безгранично своевольствует мечта...
Тогда, любовью пламенея,
Вы слушаете страстный гимн Орфея.

Когда душа тоскою сражена,
Нет слез от полноты томленья,
И меркнет свет, и мысли без движенья,
И волны времени без цели и без дна...
Тогда, от горя каменея,
Вам чудится плачевный гимн Орфея.

Когда к творцу миров возносите мольбы
И тонет взор в безбрежности творенья,
Молчат уста в избытке умиленья,
Вы доверяетесь влечению судьбы...
Тогда, вам благодатью вея,
Весь мир гремит священный гимн Орфея!

Когда поэт на языке земном
Передает пророческим пером
Таинственные вдохновенья
И осветлит души виденья
Поэзии огнем, —
Венчает мир, исполнен удивленья,
Чело певца бессмертия венком.

1839

Е. А. Баратынский **1800—1844**

Разлука

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя;
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!
Я все имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.

1820

Разуверение

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!
Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не смогу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!
Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова,
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпление;
Забудь бывалые мечты:
В моей душе одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

1821

Поцелуй

Сей поцелуй, дарованный тобой,
Преследует мое воображение:
И в шуме дня и в тишине ночной
Я чувствую его напечатленье!
Сойдет ли сон и взор сомкнет ли мой —
Мне снишься ты, мне снится наслажденье!
Обман исчез, нет счастья! и со мной
дна любовь, одно изнеможенье.

1822

Признание

Притворной нежности не требуй от меня,
Я сердца моего не скрою хлад печальный.
Ты права, в нем уж нет прекрасного огня
Моей любви первоначальной.
Напрасно я себе на память приводил
И милый образ твой и прежние мечтанья:
Безжизненны мои воспоминанья,
Я клятвы дал, но дал их выше сил.

Я не пленен красавицей другою,
Мечты ревнивые от сердца удали;
Но годы долгие в разлуке протекли,
Но в бурях жизненных развлекся я душою.
Уж ты жила неверной тенью в ней;
Уже к тебе зывал я редко, принужденно,
И пламень мой, слабея постепенно,
Собою сам погас в душе моей.

Верь, жалок я один. Душа любви желает,
Но я любить не буду вновь;
Вновь не забудусь я: вполне упоевает
Нас только первая любовь.
Грущу я; но и грусть минует, знаменуя
Судьбины полную победу надо мной:
Кто знает? мнением сольюсь я с толпой;
Подругу, без любви – кто знает? – изберу я.
На брак обдуманый я руку ей подам
И в храме стану рядом с нею,
Невинной, преданной, быть может, лучшим снам,
И назову ее моею;
И весть к тебе придет, но не завидуй нам:
Обмена тайных дум не будет между нами,
Душевым прихотям мы воли не дадим,
Мы не сердца под брачными венцами —
Мы жребии свои соединим.
Прощай! Мы долго шли дорогою одною;
Путь новый я избрал, путь новый избери;
Печаль бесплодную рассудком усьмири
И не вступай, молю, в напрасный суд со мною.
Невластны мы в самих себе
И, в молодые наши леты,
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.

Оправдание

Решительно печальных строк моих
Не хочешь ты ответом удостоить;
Не тронулась ты нежным чувством их
И презрела мне сердце успокоить!
Не оживу я в памяти твоей,
Не вымолю прощенья у жестокой!
Виновен я: я был неверен ей;
Нет жалости к тоске моей глубокой!
Виновен я: я славил жен других...
Так! но когда их слух предубежденный
Я обольщал игрою струн моих,
К тебе летел я думой умиленной,
Тебя я пел под именами их.
Виновен я: на балах городских,
Среди толпы, весельем оживленной,
При гуле струн, в безумном вальсе мча
То Делию, то Дафну, то Лилету
И всем троим готовый сгоряча
Произнести по страстному обету;
Касаясь душистых их кудрей
Лицом моим; объемля жадной дланью
Их стройный стан; – так! в памяти моей
Уж не было подруги прежних дней,
И предан был я новому мечтанию!
Но к ним ли я любвию пылал?
Нет, милая! когда в уединеньи
Себя потом я тихо поверял,
Их находя в моем воображеньи,
Тебя одну я в сердце обретал!
Приветливых, послушных без ужимок,
Улыбчивых для шалости младой,
Из-за угла Пафосских пилигримок
Я сторожил вечернею порой;
На миг один их своевольный пленник,
Я только был шалун, а не изменник.
Нет! более надменна, чем нежна,
Ты все еще обид своих полна...
Прости ж навек! но знай, что двух виновных,
Не одного, найдутся имена
В стихах моих, в преданиях любовных.

1824

К...

Мне с упоением заметным
Глаза поднять на вас беда:
Вы их встречаете всегда
С лицом сердитым, неприветным.
Я полон страстною тоской,
Но нет! рассудка не забуду
И на нескромный пламень мой
Ответа требовать не буду.
Не терпит бог молодых проказ
Ланит увядших, впалых глаз.
Надежды были бы напрасны,
И к вам не ими я влеком.
Любуюсь вами, как цветком,
И счастлив тем, что вы прекрасны.
Когда я в очи вам гляжу,
Предавшись нежному томленью,
Слегка о прошлом я тужу,
Но рад, что сердце нахожу
Еще способным к упоенью.
Меж мудрецами был чудак:
«Я мыслю, – пишет он, – итак,
Я, несомненно, существую».
Нет! любишь ты, и потому
Ты существуешь: я пойму
Скорее истину такую.
Огнем, похищенным с небес,
Япетов сын (гласит преданье)
Одушевил свое созданье,
И наказал его Зевес
Неумолимый, Прометей
К скалам Кавказа приковал,
И сердце вран ему клевал;
Но, дерзость жертвы разумея,
Кто приговор не осуждал?
В огне волшебных ваших взоров
Я занял сердца бытие:
Ваш гнев достойнее укоров,
Чем преступление мое;
Но не сержусь я, шутка водит
Моим догадливым пером.
Я захожу в ваш милый дом,
Как вольнодумец в храм заходит.
Душою праздный с давних пор,
Еще твержу любовный вздор,
Еще беру прельщенья меры,

Как по привычке прежних дней
Он ароматы жжет без веры
Богам, чужим душе своей.

1824

Ожидание

Она придет! к ее устам
Прижмусь устами я моими;
Приют укромный будет нам
Под сими вязами густыми!
Волненьем страстным я томим;
Но близ любезной укротим
Желаний пылких нетерпенье!
Мы ими счастью вредим
И сокращаем наслажденье.

1825

Сердечным нежным языком...

Сердечным нежным языком
Я искушал ее сначала;
Она словам моим внимала
С тупым, бессмысленным лицом.
В ней разбудить огонь желаний
Еще надежду я хранил
И сладострастных осязаний
Язык живой употребил...
Она глядела так же тупо,
Потом разгневалась глупо.
Беги за нею, модный свет,
Пленяйся девой идеальной!
Владею тайной я печальной:
Ни сердца в ней, ни пола нет.

1825

А. А. В<оейков>ой

Очарованье красоты
В тебе не страшно нам:
Не будишь нас, как солнце, ты
К мятежным суетам;
От дольней жизни, как луна,
Манишь за край земной,
И при тебе душа полна
Священной тишиной.

1826

Любовь

Мы пьем в любви отраву сладкую;
Но всё отраву пьем мы в ней,
И платим мы за радость краткую
Ей безвесельем долгих дней.
Огонь любви – огонь живительный.
Все говорят: но что мы зрим?
Опустошает, разрушительный,
Он душу, объятую им!
Кто заглушит воспоминания
О днях блаженства и страдания,
О чудных днях твоих, любовь?
Тогда я ожил бы для радости,
Для снов золотых цветущей младости
Тебе открыл бы душу вновь.

1824

Уверение

Нет, обманула вас молва,
По-прежнему дышу я вами,
И надо мной свои права
Вы не утратили с годами.
Другим курил я фимиам,
Но вас носил в святыне сердца;
Молился новым образам,
Но с беспокойством староверца.

1824

Она

Есть что-то в ней, что красоты прекрасней,
Что говорит не с чувствами – с душой;
Есть что-то в ней над сердцем самовластной
Земной любви и прелести земной.
Как сладкое душе воспоминанье,
Как милый свет родной звезды твоей,
Какое-то влечет очарованье
К ее ногам и под защиту к ней.
Когда ты с ней, мечты твоей неясной
Неясною владычицей она:
Не мыслишь ты – и только лишь прекрасной
Присутствием душа твоя полна.
Бредешь ли ты дорогою возвратной,
С ней разлучась, в пустынный угол твой —
Ты полон весь мечтою необъятной,
Ты полон весь таинственной тоской.

1827

Новинское

А. С. Пушкину

Она улыбкою своей
Поэта в жертвы пригласила,
Но не любовь ответом ей
Взор ясный думой осенила.
Нет, это был сей легкий сон,
Сей тонкий сон воображенья,
Что посылает Аполлон
Не для любви – для вдохновенья

1826, 1841

Люблю я вас, богини пенья...

Люблю я вас, богини пенья,
Но ваш чарующий наход,
Сей сладкий трепет вдохновенья,—
Предтечей жизненных невзгод.

Любовь камен с враждой Фортуны —
Одно. Молчу! Боюсь я,
Чтоб персты, падшие на струны,
Не пробудили вновь перуны,
В которых спит судьба моя.

И отрываюсь, полный муки,
От музыки, ласковой ко мне,
И говорю: до завтра, звуки,
Пусть день угаснет в тишине.

1844

Ф. И. Тютчев
1803—1873

К N. N.

Ты любишь, ты притворствовать умеешь,—
Когда в толпе, украдкой от людей,
Моя нога касается твоей —
Ты мне ответ даешь – и не краснеешь!

Все тот же вид рассеянный, бездушный,
Движенья персей, взор, улыбка та ж...
Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,
Любуется твоей красой послушной.

Благодаря и людям и судьбе,
Ты тайным радостям узнала цену,
Узнала свет: он ставит нам в измену
Все радости... Измена льстит тебе.

Стыдливости румянец невозвратный,
Он улетел с твоих молодых ланит —
Так с юных роз Авроры луч бежит
С их чистою душою ароматной.

Но так и быть! в палящий летний зной
Лестней для чувств, приманчивей для взгляда
Смотреть, в тени, как в кисти винограда
Сверкает кровь сквозь зелени густой.

1829

Двум сестрам

Обеих вас я видел вместе —
И всю тебя узнал я в ней...
Та ж взоров тихость, нежность гласа,
Та ж прелесть утреннего часа,
Что веяла с главы твоей!

И все, как в зеркале волшебном,
Все обозначилось вновь:
Минувших дней печаль и радость,
Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!

1830

Из края в край, из града в град...

Из края в край, из града в град
Судьба, как вихрь, людей метет,
И рад ли ты, или не рад,
Что нужды ей?.. Вперед, вперед!

Знакомый звук нам ветер принес;
Любви последнее прости...
За нами много, много слез,
Туман, неизвестность впереди!..

«О, оглянися, о, постой,
Куда бежать, зачем бежать?..
Любовь осталась за тобой,
Где ж в мире лучшего сыскать?

Любовь осталась за тобой,
В слезах, с отчаяньем в груди...
О, сжался над своей тоской,
Свое блаженство пощади!

Блаженство стольких, стольких дней
Себе на память приведи...
Все милое душе твоей
Ты покидаешь на пути!..»

Не время выкликать теней:
И так уж этот мрачен час.
Усопших образ тем страшней,
Чем в жизни был милей для нас.

Из края в край, из града в град
Могучий вихрь людей метет,
И рад ли ты, или не рад,
Не спросит он... Вперед, вперед!

1834—1836

Еще земли печален вид...

Еще земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,
И мертвый в поле стебель колышет,
И елей ветви шевелит.
Еще природа не проснулась,
Но сквозь редящего сна
Весну слышала она
И ей невольно улыбнулась...
Душа, душа, спала и ты...
Но что же вдруг тебя волнует,
Твой сон ласкает и целует
И золотит твои мечты?..
Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь...
Или весенняя то нега?..
Или то женская любовь?..

1836

И чувства нет в твоих очах...

И чувства нет в твоих очах,
И правды нет в твоих речах,
И нет души в тебе.

Мужайся, сердце, до конца:
И нет в творении творца!
И смысла нет в мольбе!

1836

Люблю глаза твои, мой друг...

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподымешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг...
Но есть сильнее очарованья:
Глаза, потупленные ниц,
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огонь желанья,

1836

С какою негою, с какой тоской влюбленной...

С какою негою, с какой тоской влюбленной
Твой взор, твой страстный взор изнемогал на нем!
Бессмысленно-нема... нема, как опаленный
Небесной молнии огнем!

Вдруг от избытка чувств, от полноты сердечной,
Вся трепет, вся в слезах, ты повергалась ниц...
Но скоро добрый сон, младенчески-беспечный,
Сходил на шелк твоих ресниц —

И на руки к нему глава твоя склонялась,
И, матери нежней, тебя лелеял он...
Стон замирал в устах... дыхание уравнилось —
И тих и сладок был твой сон.

А днесь... О, если бы тогда тебе приснилось,
Что будущность для нас обоих берегла...
Как уязвленная, ты б с воплем пробудилась
Иль в сон иной бы перешла.

1837

Не верь, не верь поэту, дева...

Не верь, не верь поэту, дева;
Его своим ты не зови —
И пуще пламенного гнева
Страшись поэтовой любви!

Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой;
Огня палящего не скроешь
Под легкой девственной фатой.

Поэт всемогущ, как стихия,
Не властен лишь в себе самом;
Невольно кудри молодые
Он обожжет своим венцом.

Вотще поносит или хвалит
Его бессмысленный народ...
Он не змиею сердце жалит,
Но, как пчела, его сосет.

Твоей святыни не нарушит
Поэта чистая рука,
Но ненароком жизнь задушит
Иль унесет за облака.

1839

Живым сочувствием привета...

Живым сочувствием привета
С недостижимой высоты,
О, не смущай, молю, поэта!
Не искушай его мечты!

Всю жизнь в толпе людей затерян,
Порой доступен их страстям.
Поэт, я знаю, суеверен,
Но редко служит он властям.

Перед кумирами земными
Проходит он, голову склонив,
Или стоит он перед ними
Смущен и гордо-боязлив.

Но если вдруг живое слово
С их уст, сорвавшись, упадет
И сквозь величия земного
Вся прелесть женщины мелькнет,

И человеческим сознанием
Их всемогущей красоты
Вдруг озарятся, как сияньем,
Изящно-дивные черты, —

О, как в нем сердце пламенеет!
Как он восторжен, умилен!
Пусть служить он не умеет,—
Боготворить умеет он!

1840

Еще томлюсь тоской желаний...

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

1848

О, как убийственно мы любим...

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел – спроси и сведай,
Что уцелело от нея?

Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горячей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебный взор, и речи,
И смех младенчески-живой?

И что ж теперь? И где все это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

Жизнь отречения, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались воспоминанья...
Но изменили и оне.

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.

И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..

1851

Не знаю я, коснется ль благодать...

Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
Пройдет ли обморок духовный?

Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
Мне благодатью ты б была —
Ты, ты, мое земное провиденье!..

1851

Не раз ты слышала признание...

Не раз ты слышала признание:
«Не стою я любви твоей».
Пускай мое она создание —
Но как я беден перед ней...
Перед любовью твоею
Мне больно вспомнить о себе —
Стою, молчу, благоговею
И поклоняюсь тебе...

Когда, порой, так умиленно,
С такою верой и мольбой
Невольно клонишь ты колени
Пред колыбелью дорогой,

Где спит она – твое рождение —
Твой безымянный херувим,—
Пойми ж и ты мое смирение
Пред сердцем любящим твоим.

1851

В разлуке есть высокое значенье...

В разлуке есть высокое значенье:
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье,
А должен наконец проснуться человек...

1851

Предопределение

Любовь, любовь – гласит преданье —
Союз души с душой родной —
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...

И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изнает наконец...

1851

Не говори: меня он, как и прежде, любит...

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.

То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу... им, им одним живу я —
Но эта жизнь!.. О, как горька она!

Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.

1851

О, не тревожь меня укорой справедливой!..

О, не тревожь меня укорой справедливой!
Поверь, из нас из двух завидней часть твоя:
Ты любишь искренно и пламенно, а я —
Я на тебя гляжу с досадою ревливой.

И, жалкий чародей, перед волшебным миром,
Мной созданным самим, без веры я стою —
И самого себя, краснея, сознаю
Живой души твоей безжизненным кумиром.

1851

Чему молилась ты с любо...

Чему молилась ты с любовью,
Что, как святыню, берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайн и жертв, доступных ей.

Ах, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилия
Бессмертной пошлости людской!

1851—1852

Я очи знал, – о, эти очи!..

Я очи знал, – о, эти очи!
Как я любил их, – знает бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.

В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!

Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц ее густой,
Как наслажденье, утомленный
И, как страданье, роковой.

И в эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волненья
И любоваться им без слез.

1852

Близнецы

Есть близнецы – для земнородных
Два божества, – то Смерть и Сон,
Как брат с сестрою дивно сходных —
Она угрюмей, кротче он...

Но есть других два близнеца —
И в мире нет четы прекрасней,
И обаянья нет ужасней,
Ей предающего сердца...

Союз их кровный, не случайный,
И только в роковые дни
Своей неразрешимой тайной
Обворажают нас они.

И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений —
Самоубийство и Любовь!

1852

Последняя любовь

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье,—
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

1854

Лето 1854

Какое лето, что за лето!
Да это просто колдовство —
И как, спрошу, далось нам это
Так ни с того и ни с сего?..
Гляжу тревожными глазами
На этот блеск, на этот свет...
Не издеваются ль над нами?
Откуда нам такой привет?..

Увы, не так ли молодая
Улыбка женских уст и глаз,
Не восхищая, не прельщая,
Под старость лишь смущает нас.

1854

Она сидела на полу...

Она сидела на полу
И грудю писем разбирала,
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...

О, сколько жизни было тут,
Невозвратно пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени,—
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

1858

Я знал ее еще тогда...

Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года,
Как перед утренним лучом
Первоначальных дней звезда
Уж тонет в небе голубом...

И все еще была она
Той свежей прелести полна,
Той дорассветной темноты,
Когда, незрима, неслышна,
Роса ложится на цветы...

Вся жизнь ее тогда была
Так совершенна, так цела
И так среде земной чужда,
Что, мнится, и она ушла
И скрылась в небе, как звезда.

1861

Как неразгаданная тайна...

Как неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышит в ней,—
Мы смотрим с трепетом тревожным
На тихий свет ее очей.
Земное ль в ней очарованье,
Иль неземная благодать?
Душа хотела б ей молиться,
А сердце рвется обожать...

1864

Весь день она лежала в забыти...

Весь день она лежала в забыти,
И всю ее уж тени покрывали.
Лил теплый летний дождь – его струи
По листьям весело звучали.
И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала – увлечена,
Погружена в сознательную думу...
И вот, как бы беседуя с собой,
Сознательно она проговорила
(Я был при ней, убитый, но живой):
«О, как все это я любила!»

.....

Любила ты, и так, как ты, любить —
Нет, никому еще не удавалось!
О господи!.. и это пережить...
И сердце на клочки не разорвалось...

1864

Накануне годовщины 4 Августа 1864 г.

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?

Все темней, темнее над землею —
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

3 августа 1865

К. Б.

Я встретил вас – и все былое
В отжившем сердце оживо;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало там тепло...

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепетается в нас,—

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки
Гляжу на вас, как бы во сне,—
И вот – слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь,—
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

26 июля 1870

Н. М. Языков
1803—1846

К А. Н. Вульффу

Скажу ль тебе, кого люблю я,
Куда летят мои мечты,
То унывая, то ликуя
Среди полночной темноты?
Она – души моей царица —
И своенравна и горда;
Но при очах ее денница —
Обыкновенная звезда.
На взоры страстные, на слезы
Она бесчувственно глядит;
Но пламенны молодые розы
Ее застенчивых ланит.
Ее жестоко осуждают:
Она проста, она пуста;
Но эти перси и уста,—
Чего ж они не заменяют?

Начало ноября 1825

Элегия (Любовь меня преобразила...)

Любовь меня преобразила:
Я стал задумчив и уныл;
Я ночи бледные светила,
Я сумрак ночи полюбил.
Когда веселая зарница
Горит за дальнею горой,
И пар густеет над водой,
И смолкла вечера певица,
По скату сонных берегов
Брожу, тоскуя и мечтая,

И жду, когда между кустов
Мелькнет условленный покров
Или тропинка потайная
Зашепчет шорохом шагов.
Гори, прелестное светило,
Помедли, мрак, на лоне вод:
Она придет, мой ангел милый,
Любовь моя, – она придет!

1825

Элегия (Любовь, любовь! веселым днем...)

Любовь, любовь! веселым днем
И мне, я помню, ты светила;
Ты мне восторги окрылила,
Ты назвала меня певцом.

Волшебна ты, когда впервые
В груди ликуешь молодой;
Стихи, внушенные тобой,
Звучат и блещут золотые!

Светлее зеркальных зыбей,
Звезды прелестнее рассветной,
Пышнее ленты огнецветной,
Повязки сладостных дождей,

Твои надежды; но умчится
Очаровательный их сон;
Зови его – не внемлет он,
И сердцу снова не приснится.

2 мая 1826

Аделаиде

Ланит и персей жар и нега
И томный блеск твоих очей...
друг! ты Альфа и Омега
любви возвышенной моей —
Ты вся полна очарованья!
Я твой! мои живые сны,
Мри кипучие желанья
Все на тебя устремлены.
Предайся ж мне: любви забавы
Я сладкозвучно воспою
окружу лучами славы
Младую голову твою!

А ты, кого душою страстной
Когда-то я боготворил,
Кому поэзии прекрасной
Я звуки первые дарил,
Прощай! Меня твоя измена
Иными чувствами зажгла:
Теперь вольна моя камена,
И горделива и смела!
Я отрекаюсь от закона
Твоих очей и томных уст
И отдаю тебя – на хлюст
Учебной роте Геликона!

12 сентября 1826

Песня

Разгульна, светла и любовна
Душа веселится моя;
Да здравствует М<арья> П<етровна>,
И ножка, и ручка ея!
Как розы денницы живые,
Как ранние снега полей —
Ланиты ее молодые
И девственный бархат грудей.

Как звезды задумчивой ночи,
Как вешняя песнь соловья —
Ее восхитительны очи
И сладостен голос ее.

Блажен, кто, роскошно мечтая,
Зовет ее девой своей;
Блаженней избранников рая
Студент, полюбившийся ей!

23 марта 1829

Элегия (Ты восхитительна! Ты пышно...)

Ты восхитительна! Ты пышно расцветаешь
И это чувствуешь – и гордо щеголяешь
Сапфирами твоих возвышенных очей,
И пурпуром ланит, и золотом кудрей,
И перлами зубов, и грудью лебединой,
И стана полнотой, и поступью павлиной.
Отчаянье подруг и чудо красоты!
Скажи, кого зовешь, чего желаешь ты
Порой, как в тишине благословеньем ночи
Смежаются твои лазоревые очи,
Как тайные мечты не дремлют – и любовь
Воспламеняет их и гасит вновь и вновь?
Я знаю: это он, молодой и чернобровый,
Прекрасный девственник, надменный и суровый;
Им соблазнилась ты. Он манием руки
Смиряет конские разбеги и прыжки;
Он метко боевым булатом управляет,
И в час, как хладными лучами осыпает
Полночная луна недвижимый залив,
Он, смелые стопы железом окрилив,
Один, на звонком льду, меж сонными берегами,
Летает с края в край проворными кругами.
О нем мечтаешь ты; твой небезгрешный сон
То нежно скрашен им, то ярко возмущен:
Чело твое горит, и вздохи грудь волнуют,
И воздух – медленно уста твои целуют!

1829

Элегия (Язык души красноречивый...)

Язык души красноречивый,
Восторга пламенный полет,
Стихов и мыслей переливы
И силу их – она поймет;
Но велика ль ее награда
За вдохновение любви...
Порой два-три небесных взгляда,
И то при вас, друзья мои!

1829

А. И.

Влюблен я, дева-красота!
В твой разговор живой и страстный,
В твой голос ангельски-прекрасный,
В твои румяные уста!

Дай мне тобой налюбоваться,
Твоих послушаться речей,
Упитья песнию твоей,
Твоим дыханьем надышаться!

1829

Элегия (Мне ль позабыть огонь и живость...)

Мне ль позабыть огонь и живость
Твоих лазоревых очей,
Златистый шелк твоих кудрей
И беззаботную игривость
Души лирической твоей?

Всегда красой воспоминаний,
Предметом грусти, сладких снов
И гармонических стихов
Мне будет жар твоих лобзаний
И странный смысл прощальных слов.

Но я поэт – благоговею
Пред этим именем святым,
Пусть буду век тобой любим,
Пусть я зову тебя своею,
Ты назови меня своим!

1830

Стансы

В час, как деву молодую
Я зову на ложе сна
И ночному поцелую
Не противится она,
Грусть неожиданного сомненья
Вдруг находит на меня —
И боюсь я пробужденья
И божественного дня.

Он сияет, день прекрасный,
В блеске розовых лучей;
В сениях леса сладкогласный
Свищет песню соловей;
Резвым плеском льются воды,
И цветут ковры долин...
То любовница природы,
То красавица годин.

О! счастлив, чья грудь молодая
Силой чувств еще полна;
Жизнь ведет его, играя,
Как влюбленная, нежна;
И, веселая, ласкает,
И, пристрастная к нему,
И дарит и обещает
Все красавцу своему!

Есть любовь и наслажденья,
Небо есть и на земле;
Но могущество мгновенья,
Но грядущее во мгле.
О! друзья, что наша младость?
Чарка славного вина;
А забывчивая радость
Сразу пьет ее до дна!

1831

Кубок

Восхитительно играет
Драгоценное вино!
Снежной пеною вскипает,
Златом искрится оно!
Услаждающая влага
Оживит тебя всего:
Вспыхнут радость и отвага
Блеском взора твоего;
Самобытными мечтами
Загуляет голова,
И, как волны за волнами,
Из души польются сами
Вдохновенные слова;
Строен, пышен мир житейской
Развернется пред тобой...
Много силы чародейской
В этой влаге золотой!

И любовь развеселяет
Человека, и она
Животворно в нем играет,
Столь же сладостно-сильна:
В дни прекрасного расцвета
Поэтических забот
Ей деятельность поэта
Дани дивные несет;
Молодое сердце бьется,
То притихнет и дрожит,
То проснется, встрепенется,
Словно выпорхнет, взовьется
И куда-то улетит!
И послушно имя девы
Станет в лики звучных слов,
И сроднятся с ним напевы
Вечно-памятных стихов!

Дева-радость, величайся
Редкой славою любви,
Настоящему веряйся
И мгновения лови!
Горделивый и свободный,
Чудно пьянствует поэт!
Кубок взял: душе угодны
Этот образ, этот цвет;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.